

Крживецкий Александр

Далекое и близкое

Александр Крживецкий

Далекое и близкое

«Издательские решения»

Крживецкий А.

Далекое и близкое / А. Крживецкий — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-963761-1

Эта книга — своего рода семейная хроника, от далекого пращура, героя Отечественной войны 1812 года, до современников, живущих в наши дни. Малая часть истории страны, небольшой ее сколок, увиденный глазами простого человека. Книга о тех, кто окружал автора в жизни, с кем он общался, работал, путешествовал, чьи рассказы слышал.

ISBN 978-5-44-963761-1

© Крживецкий А.
© Издательские решения

Содержание

Предисловие	8
Родословная	11
Из детства	25
Бабушкины подруги	32
Князь Джунио Валерио Боргезе	34
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Далекое и близкое

Александр Крживецкий

© Александр Крживецкий, 2019

ISBN 978-5-4496-3761-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Александр Крживецкий

*Тому, кто не совершил ничего
героического, остается говорить*

только правду.

Автор.

*Вы снова здесь, изменчивые тени,
Меня тревожившие с давних пор,
Найдется ль наконец вам воплощенье,
Или остыл мой молодой задор?*

И. В. Гете. Фауст.

Предисловие

Все началось со сказки С. Т. Аксакова «Аленький цветочек». (Сказка ключницы Пелагеи)¹. Затем я прочел его автобиографическую трилогию – «Семейная хроника», «Воспоминания» и «Детские годы Багрова-внука».

Это произошло в далеком 1955 году в доме подруги моей бабушки Агриппины Петровны – тети Нюси (Анны), жившей в г. Краснодаре на ул. Шаумяна, напротив Главпочтамта. Она была сестрой князя Юрия Любовецкого (друга философа и мистика Георгия Гурджиева), подругой красавицы Августы Миклашевской – актрисы Камерного театра, последней роковой любви Сергея Есенина.

Нюся еще до революции с «золотым шифром» закончила Смольный институт в Петербурге, а затем Лазаревский институт восточных языков в Москве, в совершенстве владела французским, немецким, английским, турецким языками, бегло говорила на фарси, великолепно знала историю Российской империи, историю Французской революции, историю морского пиратства, играла на кабинетном рояле Листа, Генделя, Шумана, пела русские романсы:

«Не уходи, побудь со мною,
Здесь так отрадно, так светло.
Я поцелуями покрою
Уста, и очи, и чело.
Побудь со мной,
Побудь со мной!...».²

«Не уезжай ты, мой голубчик!
Печальна жизнь мне без тебя.
Дай на прощанье обещанье,
Что не забудешь ты меня...».³

Она громогласно ругала Советскую власть, всех вождей мирового пролетариата считала шпаной и предрекала неминуемую гибель Советской России. Беспощадно курила папиросы «Огонек», пила водку и ругалась матом как московский биндюжник. Видимо она каким-то двадцать шестым чувством понимала, что НКВД забирает и отдает под суд не тех, кто громко говорит, а тех, кто шепчется по углам.

Интересно то, что облик этой женщины-преподавателя неразрывным сочетанием утонченной интеллигентности с разнузданностью протестного поведения, вполне соответствовал всеобщему закону действительности о единстве и борьбе противоположностей. Но это я стал понимать гораздо позже. А тогда, именно она сумела пробудить во мне интерес к истории и литературе.

Тетя Нюся рассказала, что 2 июня 1816 года в Москве, в храме преподобного Симеона Столпника⁴ обвенчались 25-летний сын оренбургского помещика коллежский секретарь Сергей Аксаков и 23-летняя дочь отставного суворовского генерал-майора Ольга Заплатаина.

¹ Это русский вариант сюжета нравоучительной сказки XVIII века французских писательниц Габриэль Сюзанны Барбо де Вильнёв и Жанны-Мари Лепренс де Бомон (прабабушки Проспера Мериме).

² Романс композитора Николая Зубова. 1899 г.

³ Слова и музыка Николая Пашкова. Около 1917 г.

⁴ Находится на пересечении Нового Арбата и Поварской.

В браке родились четыре сына и семь дочерей: Иоанн, Константин, Григорий, Михаил, Вера, Ольга, Надежда, Любовь, Анна, Мария, София. Не зря Сергея Тимофеевича называли «великим семьянином». Но, конечно, сердцевиной этого внутреннего семейного лада и гармонии была, несомненно, и Ольга Семеновна Аксакова (Заплата).

Все свои основные произведения С. Т. Аксаков написал уже находясь в преклонном возрасте, но самое удивительное, что и «Аленький цветочек», и «Семейная хроника», и «Детские годы Багрова-внука» созданы слепым человеком! Сергей Тимофеевич Аксаков к шестидесяти годам совершенно ослеп, и свои произведения он не писал, а рассказывал, диктовал близким. Чаще всего записывала отца старшая дочь Вера. В воссоздании словом повседневного семейного лада Аксаков был первым в русской литературе и его семейные хроники оставили в моей душе сильное впечатление.

Как писал уже в наше время известный журналист Дмитрий Шеваров: «Нет в нашей классике ничего более актуального и насущного, чем аксаковская семейная сага („Семейная хроника“, „Детские годы Багрова-внука“, „Наташа“).»⁵

Должен предупредить, что я никогда не придавал своей персоне слишком большого значения, чтобы, впав в соблазн, публично рассказывать другим эпизоды из моей жизни и жизни моих предков. Что-то должно было случиться, чтобы я решился на такой шаг. И таким импульсом, подтолкнувшим меня к написанию семейной хроники, стали настоятельные просьбы ближайших родственников Екатерины и Игоря Берлинских (младшей дочери и зятя) – просто у них такое хобби – заряжать энергией других, наставлять и поучать). Хотя, сами посудите, – это же крайне несправедливо приставать к старику: напиши, да напиши, отвлекая его от созерцания истины на дне бокала. Об этом хорошо писал когда-то Стефан Цвейг:

Сумрак льнет легко и сладко
К стариковской седине.
Выпьешь чашу без остатка —
Видишь золото на дне.
Но не мрак и не опасность
Ночь готовит для тебя,
А спасительную ясность
В постижение бытия.
Все, что жгло, что удручало,
Отступает в мир теней.
Старость – это лишь начало
Новой легкости твоей.
Пред тобою, расступаясь,
Дни проходят и года —
Жизнь, с которой, расставаясь,
Связан ты, как никогда...⁶

К тому же, честно говоря, страшновато было взяться за перо. Однако, просматривая материалы о большой семье Аксаковых, в дневниковой записи Веры, старшей дочери писателя, я встретил фразу: «Один миг любви, и все недоступное, все ужасное и несовместимое, все становится близко и доступно... все ясно, светло и блаженно...» – так и появились эти заключительные для моего возраста записки (мне за семьдесят) и задуманы они как последние в жизни, с тайной надеждой оттянуть их завершение лет этак на 10. Попутно замечу, что у меня нет пато-

⁵ Шеваров Д. Отец великой семьи. Журнал «Фома», №5 (73), май 2009.

⁶ Цвейг С. Благодарность шестидесятилетнего. Собрание сочинений. Т. 10. С. 11—12. М. «Терра» -«Терра», 1997.

логической страсти к преувеличениям, – просто раньше думал, что я весь такой бодрый и здоровый, проживу долгие годы и умру, когда захочу, но потом понял, что меня могут и не спросить. Тарангас времени непременно доставит к «последнему приюту» в назначенное время. Вот потому я и вынужден поторопиться. Впрочем, если хорошо подумать, смерть – это присоединение к большинству, а жизнь человеческая – повторяющаяся неповторимость бытия, единственность из миллионов, союз фактов и вдохновений, ощущение жизни и гибели, иронии и печали, прощанье – это перекресток судеб. Можно и по-есенински: «Жизнь – обман с чарующей тоскою...».

Но как писать о самом себе, родимом? Хорошо – вроде неприлично, а плохо – не хочется. Скорей всего, – буду писать о других, о тех, кто окружал меня в жизни, с кем я общался, дружил, работал, путешествовал, чьи рассказы слышал. Не всех я упомянул, не обо всем рассказал, выбрал то, что необычно и интересно, в первую очередь, для меня (в этом прелесть положения автора – право выбора).

В юности меня учили стремиться к осуществлению своей мечты. Много я успел, еще больше у меня не получилось, но особых комплексов по этому поводу у меня нет. Жил, как все в СССР – учился (в школе, в вузе), работал, служил в армии, путешествовал, создал семью, воспитал дочерей, вожусь с внуками. Говорят, что нельзя хвалить день, пока не наступит вечер. Мой вечер жизни уже наступил.

За горизонт садится солнца свет,
Уж день допел последний свой куплет,
И говорим знакомым мы при встрече
Уже не «добрый день», а «добрый вечер».

Наталья Планида

Справедливости ради, нужно отметить, и это многие замечали, – я рассказываю лучше, чем пишу. Скорее всего, слушателей привлекает мое раскатистое «Р», – я сильно картавлю. Когда я начинаю говорить, создается впечатление, что все вороны мира слетелись на симпозиум. Ну, это я так, к слову.

Все, о чем я рассказал, было так давно, что, многие нюансы, детали, вполне вероятно, ускользнули в небытие, хотя основная канва событий, надеюсь, вполне сохранилась. Но как воспримут мои откровения читатели: хорошо или прохладно, с иронией?

Кто блага ждет пусть будет благ
В своих желаньях и делах.
Кто хочет пить, пусть гроздь давит,
Кто ждет чудес, пусть чудо славит.⁷

Мне же только осталось до конца, как сказал поэт, «исполнить свой жребий на флейте пронзительных дней».⁸

⁷ Гете И. В. Фауст.

⁸ Андрей Вознесенский. 1987 г.

Родословная

В отличие от знаменитого артиста Бориса Сичкина (он же Буба Касторский: «Я из Одессы! Здравсьте!»), утверждавшего, что по происхождению он дворянин, так как родился во дворе, род наш ведет свое начало от помещиков Подольской губернии (Родословная книга Подольской губернии, I часть).

Фамилия – Крживецкий (или боковая ветвь – Крыжановский, – близкие родственники с 1786 года) – польская, многозначительно указывающая на то, что предки наши были служителями католической церкви – ксендзами, так как «Крыж» – «Крест», а «Живе» (zywie) с польского языка – «питание», то есть, – «крестом живущие».

В семье сохранялось устойчивое предание о том, что в 1808—1809 годах мой пращур Максим Константинович Крыжановский успешно командовал батальоном в военной кампании против Швеции (последняя Северная война). После победы над грозным соседом, Россия присоединила к себе Финляндию. Позже батальон Максима Константиновича был переформирован в Лейб-гвардии полк, получивший имя Финляндского, а его командир – звание полковника. Это был храбрый офицер богатырского роста, темноволосый, с роскошными бакенбардами, волевым взглядом и трубным командирским голосом.

Почетным командиром полка, или, как говорили тогда, Шефом полка, в то время был Великий князь Цесаревич Константин Павлович. Полк состоял из трех егерских батальонов и квартировал на Косой линии Васильевского острова в Санкт-Петербурге.

Мой пращур, командуя полком, участвовал в Бородинском сражении (во французской истории – **битва у Москвы-реки**, фр. Bataille de la Moskova). Битва состоялась 7 сентября 1812 года у деревни Бородино, в 125 км к западу от Москвы.

В районе деревни Семеновской полк стойко отражал атаки тяжелой французской кавалерии, а затем, в ходе сражения, был переброшен на правый фланг и штыковой атакой выгнал вестфальцев из Утицкого леса.

Помните, у Лермонтова:

«Ну ж был денек! Сквозь дым летучий
Французы двинулись, как тучи,
И все на наш редут.
Уланы с пестрыми значками,
Драгуны с конскими хвостами,
Все промелькнули перед нами,
Все побывали тут...»

Вам не видать таких сражений!..
Носились знамена, как тени,
В дыму огонь блестел,
Звучал булат, картечь визжала,
Рука бойцов колоть устала,
И ядрам пролетать мешала
Гора кровавых тел...»⁹

В этом бою адъютантом командира Лейб-гвардии Финляндского полка был штабс-капитан Александр Гаврилович Огарев, родственник Н. П. Огарева, друга и соратника А. И. Гер-

⁹ Лермонтов М. Ю. Бородино.

цена. Восхищаясь выносливостью и мужеством наших солдат, Александр Гаврилович записал в своем дневнике: «Не знаешь, когда они спят, когда едят. Вот и каша готова, а тут француз напирает. Приказ отходить. Каша вываливается из котлов, солдаты грызут сухари, бодрь и веселы».¹⁰

В то же время, ужасное свидетельство о результатах действия русской артиллерии в этой битве оставил французский лейтенант Мишель Комб: «...стараясь увидеть что-нибудь в окружавшем нас облаке дыма и пыли, я почувствовал как кто-то схватился обеими руками за мою ногу и цеплялся за нее с крайними усилиями. Я уже был готов освободить себя ударом сабли от этого крепкого объятия, как увидел молодого, замечательно красивого польского офицера, который, волочась на коленях и устремив на меня свои горящие глаза, воскликнул: «Убейте меня, убейте меня, ради Бога, ради Вашей матери!». Я соскочил с лошади и нагнулся к нему. Чтобы обследовать рану, его наполовину раздели, а затем оставили, так как он не в состоянии был выдержать переноски. Разорвавшаяся граната отрезала ему позвоночник и бок; эта ужасная рана, казалось, была нанесена острой косой. Я вздрогнул от ужаса и, вскочив на лошадь, сказал ему: «Я не могу помочь Вам, мой храбрый товарищ, и мой долг зовет меня». «Но Вы можете убить меня, – крикнул он в ответ, – единственная милость, о которой я прошу Вас». Я приказал одному из моих стрелков дать мне свой пистолет... и, передав заряженное оружие несчастному, я удалился, отвернув голову. Я все же успел заметить, с какой дикой радостью схватил он пистолет, и я не был от него еще на расстоянии крупа лошади, как он пустил себе пулю в лоб...».¹¹

По самым скромным оценкам совокупных потерь, каждый час на поле боя погибало или получало ранения около 6000 человек, французская армия потеряла около 25% своего состава, русская – около 30%. Со стороны французов было сделано 60 тысяч пушечных выстрелов, с русской стороны – 50 тысяч. Наполеон назвал битву под Бородином своим самым великим сражением, хотя его результаты более чем скромны для привыкшего к победам великого полководца.

В самом грандиозном сражении за всю историю Московской кампании Наполеон почти не участвовал. Накануне император плохо спал: простудился, его лихорадило, мучил насморк и кашель. Шевардинский редут, где он провел весь день, находился в тылу французской армии. Поле сражения отсюда почти не просматривалось. Его словно охватил летаргический сон. Наполеон то садился на складной походный стул, то нервно ходил взад и вперед по площадке редута. «С телом моим я всегда делал все, что хотел», – часто говаривал император.¹² Но теперь ничего не мог сделать. Мир хотел победить и не победил насморка. Понутив голову сидел, кашлял, чихал и сморкался. Одутловато-белое, бабье лицо его напоминало старую гувернантку.¹³

Маршалы Наполеона негодуют:

«Я его не узнаю!» – вздыхает Мюрат с грустью.¹⁴

«Что он там делает в тылу? – кричит в бешенстве маршал Ней – Если он хочет быть не генералом, а императором, пусть возвращается в Тюильрийский дворец, – мы будем воевать за него!».¹⁵

Когда, наконец, император вводит в бой Гвардию, было уже поздно: русские отступили в полном порядке.

¹⁰ В этом сражении штабс-капитан А. Г. Огарев будет убит.

¹¹ Михневич Н. П. История русской Армии. Т.1, с 236.

¹² Antommarchi I, 216.

¹³ Мережковский Д. С. Наполеон. Белград, 1929. С. 126.

¹⁴ Segur IV, 399.

¹⁵ Segur IV, 386.

Последней вспышкой сражения стал бой в Семеновском, который французы заняли около девяти часов вечера, но были выбиты штыковой атакой лейб-гвардии Финляндского полка.¹⁶

В ходе 12-часового сражения французской армии удалось захватить позиции русской армии в центре и на левом крыле, но после прекращения боевых действий французская армия отошла на исходные позиции.

По воспоминаниям участника Бородинской битвы французского генерала Пеле, Наполеон часто повторял фразу: *«Бородинское сражение было самое прекрасное и самое грозное, французы показали себя достойными победы, а русские заслужили быть непобедимыми»*.¹⁷

В солнечное утро 13 сентября Наполеон выехал со свитой на Поклонную гору и не мог сдержать своего восхищения: его, как и свиту, поразила красота зрелища. Колоссальный, блиставший на солнце город, простиравшийся перед ним, был для него местом, где он даст, наконец, своей армии отдохнуть и оправиться, и прежде всего послужит тем залогом, который непременно заставит российского царя пойти на мир.¹⁸

«Москва! Москва!» – закричали от радости французские солдаты и захлопали в ладоши, когда увидели с возвышенности золотые маковки московских храмов.

Но напрасно Наполеон ждет делегацию депутатов, которые должны вручить ему символические ключи города. Их нет. И жителей почти нет. Все покинули древнюю столицу России! Только к ночи он въезжает в Москву, в Кремль. И снова болезнь берет верх и он как бы опять засыпает тяжелым сном. Вскрикивает он от истошных криков: «Пожар! Пожар!». Горит Москва и будет гореть еще пять дней. – «Какие люди, какие люди! Это скифы» – шепчет Наполеон в ужасе. – «Это было самое величественное и ужасное зрелище, какое я когда-либо видел», – вспомнит император.¹⁹ Бонапарт бежит из Кремля «по огненной земле, под огненным небом, между огненными стенами», и едва спасается.²⁰

Выждав в Петровско-Разумовском окончание пожара Наполеон возвращается в Кремль.

Верным показателем того тяжелого положения, в котором находилась в это время французская армия, был приезд 23 сентября (5 октября) к Кутузову генерала Лористона с предложением от Наполеона начать переговоры о мире, а до того заключить перемирие. Кутузов отказал, но согласился донести государю о желании Наполеона. Император Александр сделал выговор Кутузову за то, что тот принял Лористона, и подтвердил свое твердое намерение продолжать войну, дабы отомстить за оскорбленное отечество.²¹

Наполеон на предложение о мире ответ не получил, и понял – мира не будет!

13 октября выпадает первый снег, предвещая суровую русскую зиму. После огненного ада (Московского пожара), – ад ледяной!

19 октября французы оставляют Москву, а 28 октября ударил сильный мороз.

Сто тысяч французов вышло из Москвы, а недели через три осталось тридцать шесть тысяч, да и те полуживые и обмороженные.

5 ноября 1812 года в знаменитом бою под Красным (в районе с. Доброе), мой пращур, Максим Константинович отличился, выхватив в пылу сражения из рук французского полководца Луи Никола Даву маршальский жезл, который впоследствии хранился в стеклянном

¹⁶ Михайловский-Данилевский А. И. Отечественная война. Описание войны 1812—1815 гг. Издание Каспари А. А. С.–Петербург, 1899. С. 218. За героизм при Бородино М. К. Крыжановский награжден орденом Св. Георгия 4 кл.

¹⁷ Извлечение из записок генерала Пеле о русской войне 1812 г. «Чтения императорского общества истории древностей», 1872, I, с. 1—121.

¹⁸ Тарле Е. В. Наполеон. Минск. «Беларусь», 1992. С. 274.

¹⁹ O'Meara, I, 181.

²⁰ Segur, V, 321.

²¹ Михневич Н. П. История русской Армии. Т.2. 1812—1864. С.2.

футляре с медной оправой среди прочих воинских трофеев у могилы М. И. Кутузова в Казанском соборе, а затем был передан в Эрмитаж.²²

В начале XX века русский военный инженер, генерал-майор, А. И. Геккель подробно описал этот трофей: «Жезл длиною в 50 сант. и диаметром в 4 сант., обит лиловым бархатом с вышитыми золотыми орлами, в четыре ряда, по восьми штук в каждом; на конечностях жезла имеются два кольца, из коих на верхнем выгравирована латинская надпись: «Terror belli. Decus pacis»; а на нижнем: «Louis Nicolas Davout nomme par l'Empereur Napoleon Marechal de l'Empire, le 29 Floreal, an XII».²³

За четыре дня боев под Красным русской армией было взято 116 орудий (не считая 112, брошенных неприятелем), несколько орлов и жезл маршала Даву; пленных захвачено более 26 тысяч (в том числе семь генералов и 300 офицеров), убито и ранено до 6000; наш урон составил до 2000 человек.

Фельдмаршал князь Кутузов получил за это сражение титул Смоленского, а атаман Платов возведен в графское достоинство.²⁴

Необходимо отметить, что на Бородинском поле в 1812 году был установлен памятник Лейб-гвардии Финляндскому полку (архитектор Ф. С. Былевский), со словами: «Подвигам доблести слава, честь, память».

За воинские отличия полку было вручено Полковое Георгиевское знамя с Андреевской юбилейной лентой: «За отличие при поражении и изгнании неприятеля из пределов России 1812 г.», а также две серебряные трубы с надписью: «Лейб-Гвардии Финляндского полка, в вознаграждение отличной храбрости и мужества, оказанных в сражении при Лейпциге 4 октября 1813 г.». Необходимо отметить, что Финляндский гвардейский полк был в то время одним из самых доблестных в русской армии, первый, по числу Георгиевских кавалеров.

Позже, в звании генерал-лейтенанта, Максим Константинович занимал должности «капитула императорских орденов»²⁵, коменданта Петропавловской крепости и члена Военного Совета, директора Чесменской военной богадельни.²⁶ Его имя встречается на стенах возрожденного Храма Христа-Спасителя в Москве, а портрет кисти Дж. Доу украшает Генеральский зал Военной галереи Зимнего Дворца в Эрмитаже.

Умер герой в 1839 году и похоронен в ограде собора Петропавловской крепости в Санкт-Петербурге, в мундире, «крепко пришитом к нему, – как он говорил, – неприятельскими пулями и ядрами».

В детстве у бабушки я видел в сундуке старый, потрепанный холст с изображением моего пращура в генеральской форме, но Агриппина Петровна, почему-то упорно называла его не портретом, а парсуной.

В семидесятых годах прошлого столетия, я, как руководитель краеведческого объединения школьников, был в Ленинграде на Всесоюзном семинаре, и после лекций и осмотра экспозиции, посвященной «скифскому золоту», заинтересовался у академика Бориса Борисовича Пиотровского, директора Эрмитажа, возможно ли увидеть эту семейную реликвию. Точного ответа я не получил, но через два дня, к моему великому изумлению, сотрудница Эрмитажа сопроводила меня в один из запасников музея, где в витрине за стеклом я первый из сородичей лицезрел жезл маршала Франции.

Так фамильная легенда обрела действительные корни.

²² За подвиг в сражении под Красным мой пращур награжден орденом Св. Владимира 3 -й степени (Большая биографическая энциклопедия, 2009).

²³ Геккель А. И. Трофеи войн 1812-1813-1814 гг., хранящиеся в Казанском соборе. Спб., 1909.

²⁴ Михневич Н. П. История русской Армии. Т.2. 1812—1864. С.7.

²⁵ Капитул орденов – учреждение, ведавшее пожалованием и выдачей орденов в императорской России.

²⁶ Военная богадельня – приют для престарелых военных и инвалидов.

Один из моих прапрадедов был прокурором Варшавы (во времена мудрых правителей нашей страны, когда Царство Польское было просто предбанником Российской Империи). Прадед, Виктор Крживецкий, в звании майора в составе также Лейб-гвардии Финляндского полка воевал с Блистательной Портой (Османской империей) в 1877—1878 году в Болгарии.

24 августа 1877 г. финские стрелки выступили из Гельсингфорса (Хельсинки) в поход. 12 октября они участвовали при штурме позиции при Горном Дубняке, 20 октября заняли Дольний Дубняк, а 10—11 ноября сражались с турками за Правецкую укрепленную позицию. С 17 по 21 ноября вели бои за Враченский перевал через Балканы, а уже 23 декабря батальон вошел вместе с остальными российскими войсками в освобожденную от неприятеля Софию. Командир полка полковник Георг Эдвард Рамзей, награжденный золотой саблей, назначен впоследствии командиром Семеновского полка. Война за освобождение христиан от османского ига была популярна в Финляндии как и во всей Империи и у финляндцев есть песня о героях той войны:

«Финляндцы, вы стяжали славу
Повсюду где ходили в бой,
В сраженьях видели забаву,
Там каждый был из вас герой.
Стальной грудью проложили
Путь к чести – слава вас вела,
Вспомянем, где врага мы били —
Вот ваши прежние дела...».²⁷

Вскоре после окончания боевых действий Виктор Крживецкий вышел в отставку и поселился в Саратовской губернии.

Два его сына – Сергей и Никита окончили кадетский корпус в Петербурге, а затем старейшее в стране Михайловское артиллерийское училище, и были произведены в поручики царской армии.

Оба увлеклись социал-демократическими идеями и встали на путь активной борьбы с царским самодержавием. Несколько раз подвергались аресту и перешли на нелегальное положение.

В начале XX века оба перебрались в Ставрополь, купили большой дом, в подвале которого оборудовали химическую лабораторию по производству взрывчатых веществ и изготовлению «бомб». Эти бомбы предназначались для боевых групп Камо (Тер-Петросяна) и Кобы (Иосифа Джугашвили) для проведения «экссов» (актов экспроприации).

Ограбление почтового поезда под Чиатури (Грузия) в 1906 году и дерзкое ограбление Тифлисского казначейства на Эриванской площади в 1907 году – акции боевиков Камо и Кобы, которые при нападении использовали бомбы, сделанные руками моего деда – Никиты Викторовича. Таким образом большевики пополняли свою партийную кассу.

В семейном архиве есть студийная фотография Никиты Викторовича с Камо и его записка деду, где помимо прочего, он передает привет от Кобы (Сталина). Сохранилась также групповая фотография, на которой изображен Камо, мой дед и некая Яковлева, которая впоследствии, уже после Гражданской войны, была изобличена как провокатор и агент царской охранки.

В 1910 году брат моего деда – Сергей на железнодорожном вокзале Ставрополя случайно лицом к лицу столкнулся с начальником жандармского управления (они знали друг друга) и в упор стрелял в него из револьвера. Жандармский полковник упал; Сергея, после короткой

²⁷ <http://www.referatnatemu.com/176117>

борьбы, скрутили и препроводили в кутузку. Позже оказалась, что каким-то чудесным образом Сергей промахнулся, а с офицером просто случился обморок.

Сергея судили и переслали в Саратовскую тюрьму, где он организовал голодовку среди политических заключенных, за что был до смерти забит палками надзирателями.

Примерно в это же время, при производстве очередной бомбы, произошел неконтролируемый взрыв в лаборатории деда, и ему опалило лицо. С тех пор, и почти до самой своей смерти, Никита Викторович ходил с лицом синего цвета, от ввевшихся в лицо крупниц пороха при взрыве.

Никита Викторович женился на мещанке Агриппине Петровне (моей бабушке), дочери знаменитого на всем Поволжье печника Петра Федотовича Гущина (говорят, что он выкладывал большие изразцовые печи до потолка в домах богатых купцов и подрядчиков).

Бабушка была старшая из детей в семье (всего было три сестры – Агриппина Петровна, Капитолина Петровна, Евангелина Петровна и два брата – Милентий Петрович и самый младший – Александр Петрович).

В годы Гражданской войны младший брат Александр спутался с одной из многочисленных банд, шнырявших по Северному Кавказу. Как-то зимней ночью он постучал в окно дома. Бабушка откликнулась.

– Груня, открой. Это я – Саша.

Бабушка открыла дверь, но на порог не пустила. – Уходи, тебя разыскивают.

– Груня, я на минутку, только согреюсь и что-нибудь перекушу.

Агриппина Петровна впустила брата в дом. Сидя за столом, Александр заснул. Вдруг раздался стук в дверь, ворвались красноармейцы, вывели Александра во двор, и на глазах Агриппины Петровны расстреляли.

Бабушка имела образование – 4 класса церковно-приходской школы, занималась с дедом самообразованием, выучила польский язык, а после революции закончила рабфак, высшую партийную школу в Ростове-на-Дону и Промакадемию в Москве.

В перерывах между учебой, бабушка работала директором детского дома (была делегатом I Всероссийского съезда учителей (май 1924 г.); прибыла на съезд последней и, войдя в зал заседаний, была остановлена возгласом Н. К. Крупской, сидящей в президиуме съезда: «Товарищи, давайте поприветствуем прибывшего с Северного Кавказа делегата нашего съезда». Все поднялись со своих мест, и Агриппина Петровна проследовала к своему креслу под громкие аплодисменты). Затем она руководила машинно-тракторной станцией на Ставрополье (есть фотография А. П. за рулем американского трактора фирмы «Фордзон» («Fordson»).

Во время учебы в Москве бабушка подружилась с Елизаветой Берзиной, женой главного разведчика РККА (Красной Армии), – Яна Карловича Берзина (настоящая фамилия Кьюзис, кличка – Старик), практически каждый день бывала у них в доме.

По линии Главного разведывательного управления Красной Армии, она выполняла отдельные поручения. В частности, была связной с группами болгарских коммунистов Стойнова Геню Георгиева и Христа Боева. Не зря 27 февраля 1934 года Агриппина Петровна была одним из организаторов встречи на Тушинском аэродроме, оправданных Лейпцигским трибуналом за поджог Рейхстага в Берлине и взятых под советское покровительство, болгарских товарищей, – Георгия Димитрова (будущего руководителя Коминтерна), Благова Попова и Василя Танева.

(Пожар Рейхстага устроили сами фашисты 27 февраля 1933 г., использовав для его поджога слабоумного Маринуса Ван дер Люббе. Эта акция нацистов была поводом разделаться с политическими противниками, виновными же пытались сделать немецких и болгарских коммунистов).

Несколько ранее Агриппина Петровна участвовала в официальных переговорах с помощником начальника генерального штаба рейхсвера (немецкой армии) полковником Миттель-

бергом. Именно с его приездом в Москву началось активное сотрудничество Красной Армии и германского рейхсвера.

В ходе ежевечерних чаепитий с бабушкой и продолжительных душевных бесед (я еле успевал делать пометки) вырисовывались две основные задачи ведомства Яна Берзина на западном направлении:

1. Расширение сотрудничества с рейхсвером в области взаимной подготовки кадров, обмена военными и производственными технологиями, разработка и испытание нового химического оружия.

2. Поскольку основным и самым опасным вероятным противником СССР в то время считалась Польша, шел активный обмен информацией между разведками двух стран о военном потенциале Польши, ее мобилизационных планах, количестве и оснащении воинских подразделений, предприятиях военной отрасли.

Деятельность по разрешению первой задачи была глубоко законспирирована (так как противоречила Версальскому договору), создавались фиктивные акционерные фирмы, такие, как «Метакхим», в Казани была открыта танковая, а в Липецке летная школы, в которых проходили обучение офицеры рейхсвера. Совместные же испытания нового химического оружия осуществлялись на военно-химическом полигоне на станции Причернавская (поселок Шиханы, Саратовская область).

Что же касается Польши, то она вела провокационную и враждебную политику в отношении СССР. В 1938 г. поляки активно обсуждали с немцами раздел сфер влияния: Украина – сфера интересов Польши, а северо-запад России – сфера немецкого влияния. В частности, в конце октября 1938 года министр иностранных дел Германии Иоахим фон Риббентроп и посол Польши в Берлине Ю. Липский договорились об общей политике их стран в отношении СССР на основе Антикоминтерновского пакта. В самом начале 1939 года этот вопрос уже детально обсуждался во время встречи Гитлера с министром иностранных дел Польши Ю. Бекем. Польша заявила о своей готовности выступить на стороне Германии в походе против СССР. Плацдармом такого похода должна была стать Карпатская Русь (Закарпатская Украина, отделившаяся от Чехословакии).

В это же время польский посол в Париже называл Чехословакию «обреченной на смерть страной». И уже в марте 1939 г. Варшава беззащитно участвовала в разделе Чехословакии (совместно с Берлином и Будапештом), присоединив к себе Тешинскую область.

(Когда я недавно услышал наглое заявление польского журналиста и политолога Якоба Корейбы, прозвучавшее на популярной телевизионной передаче «Право голоса», о том, что, мол, мы, поляки, **поможем устроить в Калининградской области референдум о независимости**, мне сразу же вспомнились слова командующего рейхсвером генерала Ганса фон Секта из меморандума, адресованного германскому послу в Москве графу Брокдорф-Ранцау от 11 сентября 1922 года: «Мы не можем терпеть существование Польши; оно противоречит жизненно важным интересам Германии. Польша должна исчезнуть с карты мира, и она исчезнет из-за собственной внутренней слабости и благодаря России – с нашей помощью». Полякам полезно знать, что возможна ситуация с фактом очередного «Раздела Польши», и уже, навсегда! Поляки, прибалты, националисты Украины, да и иные европейские и англосаксонские «друзья» называют нас азиатами, пытаются поучать нас и даже угрожают России. Я на это могу ответить словами Александра Блока:

«Миллионы – вас. Нас – тьмы, и тьмы, и тьмы.
Попробуйте, сразитесь с нами!
Да, скифы – мы! Да, азиаты – мы,
С раскосыми и жадными очами!

О, старый мир! Пока ты не погиб,
Пока томишься мукой сладкой,
Остановись, премудрый, как Эдип,
Пред Сфинксом с древнею загадкой!

Россия – Сфинкс. Ликуя и скорбя,
И обливаясь черной кровью,
Она глядит, глядит, глядит в тебя
И с ненавистью, и с любовью!..».²⁸

В целом необходимо отметить, что сотрудничество с Германией в начале и середине 30-х годов XX века в разных областях экономики и культуры (особенно инженерной), дало хороший импульс развитию советской оборонной промышленности и в целом индустрии, так как позволило использовать в различных областях промышленности немецкие передовые технологии, или как говорят сейчас, «ноу-хау». Как отмечал несколько позже министр иностранных дел Германии Иоахим фон Риббентроп: «В Германской лавке было много товаров для России».

С приходом Гитлера к власти в Германии, климат советско-германских отношений стал быстро ухудшаться. Стремительно свертывалось военно-политическое сотрудничество. В речах фюрера зазвучали угрожающие заявления о жизненном пространстве для германской нации. «Миссия Германии, – утверждал А. Гитлер, – в прилежной работе немецкого плуга, которому меч должен дать землю».²⁹

В интервью корреспонденту лондонской «Дейли Экспресс» 11 февраля 1933 г. фюрер откровенно заявил о сути своей империалистической внешней политике: «Германия нуждается во многом из того, что могут дать колонии, и колонии нам нужны в той же мере, что и другим державам». 23 марта 1933 г. Гитлер заявил в Рейхстаге: «Мы знаем, что географическое положение Германии, бедной сырьевыми материалами, не гарантирует экономической самостоятельности нашему государству».³⁰

И. В. Сталину необходимо было спасти хотя бы торговые отношения, и немецкие валютные займы, и он на это направление решает поставить своего надежного человека. Его выбор падает на давнего товарища еще с дореволюционных времен – Давида Канделаки. В тридцатых годах тот руководил народным просвещением в Грузии.

Сталин вызвал его в Москву, назначил на высокий пост торгового представителя СССР в Швеции, а затем в Германии, вопреки сильному сопротивлению наркома иностранных дел М. М. Литвинова, считавшему Давида Канделаки не профессионалом. Между ними сразу же возникла острая личная неприязнь, которую Литвинов, как человек довольно независимый, выражал, не стесняясь, публично.

Регулярные отчеты о своей работе Д. Канделаки направлял на имя наркома, но, видимо опасаясь возможных инсинуаций, он часть важной информации передавал неофициально Главному Разведывательному управлению РККА, через Агриппину Петровну. Конечно, когда возникала срочная необходимость, наш торгпред обращался напрямую к «хозяину», но обычно старался не беспокоить И. Сталина.

Контакты Д. Канделаки с министром финансов Германии Яльмаром Шахтом, двоюродным братом Германа Геринга – Гербергом, другими влиятельными лицами в немецких правительственных кругах не принесли желаемого успеха. В конечном счете, Д. Канделаки был

²⁸ Блок А. Скифы.

²⁹ Цитируется: Бухарин Н. И. Из речи на XVII съезде ВКП (б) 31.01.1934. Стенографический отчет. М., 1934 С. 127—129.

³⁰ www.deutscheschichten.de

отозван в Москву и переведен на должность зам. наркома внешней торговли СССР (наркомом тогда был А. И. Микоян).

На дворе стоял 1937 год, Д. Канделаки был объявлен врагом народа и репрессирован. Как опасно было находиться вблизи диктатора!

А что же генерал Берзин? – В октябре 1936 года он под именем генерала Гришина направляется главным военным советником в республиканскую Испанию.

Напомним читателю, что 18 июля 1936 года командный состав колониальных войск Испании в Северной Африке во главе с генералом Франко поднял мятеж против республиканского правительства, который вскоре перерос в кровопролитную гражданскую войну. Используя поддержку Германии и Италии, Франко смог не только переправить свои войска в Испанию, но и вести активные боевые действия на всех фронтах. Что касается законного республиканского правительства, то ему помогал только Советский Союз.

Прибыв в Мадрид, Ян Карлович первым делом в срочном порядке организует оборону Мадрида от войск мятежных генералов Франко и Мола, занимается боевой подготовкой интернациональных бригад, сформированных из добровольцев из России, Венгрии, Германии, Бельгии, Франции, Великобритании и других стран, налаживает руководство войсками республики. Клич республиканцев: «¡No pasaran!» («Но пасаран!» – «Они не пройдут!») гремит на просторах свободолюбивой страны.

По личному указанию И. В. Сталина Ян Берзин курирует эвакуацию золотого запаса республиканской Испании в Советский Союз. Непосредственное исполнение этого задания было возложено на заместителя Я. Берзина по контрразведке и партизанской борьбе в тылу А. Орлова и полпреда СССР в Испании Марселя Розенберга.

В банковских сейфах Мадрида хранились золотые слитки на сумму около 783 миллионов долларов – четвертый по величине золотой запас в мире. В августе 1936 г. 155 миллионов долларов из этого запаса были переправлены во Францию, чтобы кредитовать поставки истребителей и танков. Остальная часть сокровищ была тайно перевезена в огромную пещеру в горе близ г. Картахены. В условиях приближения франкистов к столице республиканское правительство предложило отдать золото на хранение Советскому Союзу. 15 октября 1936 г. премьер-министр Кабальеро и министр финансов Негрин официально обратились к Советскому Союзу с просьбой принять на хранение золото.

На операцию по доставке груза из пещеры в порт Картахены потребовалось три ночи. Под охраной советских танкистов, переодетых в испанскую форму, грузовики с золотом (7800 ящиков, каждый ящик по 145 фунтов) с большими предосторожностями были доставлены к месту погрузки.

Около 510 тонн (если быть предельно точным, 510 079 529,3 грамма) золота, упакованного в 7800 ящиков стандартного типа (по 65 кг каждый), было распределено между четырьмя советскими судами, доставившими в Картахену оружие и боеприпасы. Золото было в слитках, брусках, монетах, включая редкие нумизматические экземпляры.

2 ноября все суда, благополучно пройдя Средиземное море, Сицилийский пролив и Босфор, прибыли в Одессу. Для обеспечения секретности разгрузка кораблей производилась ночью силами специально командированных в Одессу сотрудников НКВД. Из Одессы эшелон с золотом проследовал в Москву под охраной 1000 командиров Красной армии. Сопровождал его нарком НКВД Крымской АССР и начальник особого отдела Черноморского флота Т. Лордкипанидзе, чтобы лично отрапортовать Ежову, главе НКВД, об успешном окончании операции. Золото было доставлено в Москву 6 ноября. В этот же день был составлен акт о приемке золота, который подписали нарком финансов СССР Г. Гринько, зам. наркома иностранных дел СССР Н. Крестинский и посол Испанской Республики в СССР М. Паскуа. В акте говорилось, что на государственное хранение Наркомфином СССР получено золото, прибывшее из Испании,

упакованное в 7800 ящиков стандартного типа общим весом 510079529,3 гр. Один экземпляр составленного акта был передан испанскому правительству.

Любой специалист по продаже золота Вам скажет, что в таком виде им торговать нельзя, так как золото продают только в слитках. Поэтому все прибывшее испанское золото должно было быть подвергнуто аффинажу.³¹ А это предусматривает дополнительные расходы. Поэтому Москва отреагировала моментально:

Выписка из протокола заседания Политбюро ЦК

2 марта 1937 года Строго секретно

При выполнении поручений Испанского Правительства по реализации этого золота расходы по аффинажу и потери при аффинаже в нормах, принятых на аффинажном заводе, относятся за счет Испанского Правительства.

Секретарь ЦК.

В мае 1937 г. Я. Берзина отзывают в Москву, ему торжественно вручают орден Ленина, он получает очередное генеральское звание и вновь становится главой Разведывательного управления РККА.

В ноябре 1937 г. Ян Карлович был арестован и погиб в застенках НКВД.

В самом разгаре была «ежовщина» – так называли по имени главы НКВД время, когда общественная атмосфера, сложившаяся в стране, напоминала психопатическую эпидемию, для которой характерны всеобщая подозрительность, шпиономания, ненормальность суждений, аресты по вздорным обвинениям, превращение доброжелательных и уравновешенных людей в параноиков и даже в жестоких палачей.

Так произошло и с всесильным «наркомом страха» Ежовым, который многими вначале своей наркомовской карьеры, воспринимался как мягкий, улыбчивый человек, с фиалковыми глазами. Безусловно преданный Советской власти. Но очень быстро произошла деградация личности, ускоренная запойным алкоголизмом, превратившего его в холодного, расчетливого и безжалостного убийцу.

Но вернемся к Агриппине Петровне. Осенью 1936 года она направляется в Ставрополье на должность секретаря крайкома партии, отвечающего за сельское хозяйство. Едва освоившись с новой должностью, и почти не успев ничего сделать, весной 1937 г. оказывается под следствием. Ее арестовывает НКВД. На первых же допросах выясняется, что директором одного из совхозов края оказался бывший колчаковский офицер, по фамилии Иванов, сотрудники НКВД, получив ордер на арест, поехали его забирать, но он странным образом исчез вместе с семьей (видимо кто-то успел предупредить).

В течение полутора лет бабушку мытарили в тюрьме, пытаясь раскрыть заговор против Советской власти, вспомнили ее связь с «врагами народа» Д. Канделаки и Я. Берзиным.

В это же время оказывали давление на мою маму, Ларису Никитичну, студентку Горского сельхозинститута, в г. Орджоникидзе. Призывали отказаться от матери (врага народа). Грозили исключить из комсомола и отчислить из института. Мама не пошла на предательство.

Однажды днем конвоир повел Агриппину Петровну не в кабинет следователя, а вывел на тюремный двор. Как рассказывала бабушка, впервые за все время отсидки, у нее екнуло сердце. Мелькнула мысль: ведут на расстрел. Но конвоир скомандовал идти к домику в углу тюремного двора. В маленькой комнате (без решеток!) оказался новый следователь.

Поднялся, отпустил сопровождающего, вежливо поздоровался, предложил сесть, дал закурить. Поговорили ни о чем, следователь вышел, на столе осталась лежать раскрытая папка с делом арестованной. Бабушка решила встать с табурета и выглянуть за дверь. Нет конво-

³¹ Аффинаж – разновидность рафинирования металлов (получение благородных металлов высокой чистоты).

ира. Стала лихорадочно смотреть материалы дела. Увидела порочащие ее письма и показания сослуживцев, работников крайкома партии. Затем, – покаянное письмо бывшего колчакковского офицера (директора совхоза) на имя Сталина.

В письме сообщалось, что действительно, молодым студентом Иванов в ходе массовой мобилизации был призван в армию Колчака, но в боях ему принять участие не пришлось, так как в результате широкого контрнаступления Красной армии и действий чехословацкого корпуса сам Колчак был пленен и расстрелян в ночь с 6 на 7 февраля 1920 г., а его армия полностью развалилась.

Иванов от всей этой сумятицы бежал в Москву, затем на Северный Кавказ. Поступил на работу учетчиком в совхоз на Ставрополье. Там женился на местной работнице почты. Поскольку он был грамотным, на него обратили внимание, назначили бригадиром, потом заведующим отделением. Наконец, стал директором хозяйства. Все свои силы он отдавал работе, всегда совхоз выполнял планы и производственные задания. Никаких нареканий по работе Иванов не имел, вины за собой не чувствовал, а потому, решил написать письмо руководителю государства товарищу И. В. Сталину. На письме в углу была пометка синим карандашом: «И. Ст.» (Иосиф Сталин).

Вернулся следователь и сказал, что Агриппина Петровна оправдана по всем статьям и может быть свободной. Документы на освобождение подписаны прокурором.

В тот же день бабушку выпустили, а прямо у ворот тюрьмы ее уже ждал служебный автомобиль, на котором она напрямик отправилась в крайком партии.

Рассеянно стала перебирать бумаги в ящиках рабочего стола, у себя в кабинете. Вдруг звонок телефона. Вздрыгнула. Встала, потом опять села в кресло. Звонок настойчивый. Подняла трубку. Хриплый голос с кавказским акцентом:

– Здравствуйте, Агриппина Петровна. Как ваши дела? Я помню вашего мужа Никиту, хорошо мы с ним поработали в девятьсот седьмом году. Что можете сказать?

– Да, вот сидела в тюрьме, только что отпустили, Иосиф Виссарионович.

– Подумаешь, я тоже не раз сидел. Беритесь за работу. Дел много. До свидания!

Бабушке оплатили двойной оклад за все время с момента задержания, выдали бесплатную путевку в Ялту на всю семью (мужа – Никиту Викторовича, саму Агриппину Петровну и детей – Ларису и Руслана).

Постепенно, через лишения и утраты на трудном пути от революционного романтизма к реализму в голове Агриппины Петровны стала зарождаться мысль о том, что не все в порядке в «Датском королевстве».

В 1939 году семья переехала в Краснодар.

Перед самой войной бабушка работала директором самого фешенебельного в городе ресторана «Краснодар», что на углу улиц Гоголя и Красной. Однажды она, приехав на работу, поднималась по широкой мраморной лестнице на второй этаж (на первом этаже находилась центральная аптека и ряд магазинов). Над лестничной площадкой у поворота марша лестницы висело огромное старинное зеркало от пола до потолка в бронзовой оправе. Бабушка не успела дойти до лестничной площадки, как раздался громкий треск (как пушечный выстрел) и зеркало наискось лопнуло, отдельные мелкие осколки осыпали Агриппину Петровну с ног до головы.

Она повернула назад, уехала домой и уже дома расплакалась. Моя мама как могла, успокаивала ее, но та была безутешна и постоянно твердила, что это дурной знак... Через месяц началась война.

Все жители страны 22 июня 1941 года с замиранием сердца молча слушали выступление Вячеслава Михайловича Молотова: «Граждане и гражданки Советского Союза! Советское правительство и его глава товарищ Сталин поручили мне сделать следующее заявление...». Заявив о «беспримерном в истории цивилизованных народов вероломстве» со стороны Гер-

мании, напавшей на нашу страну, заместитель главы правительства призвал народ к дисциплине, организованности и самоотверженности, к сплочению рядов. Молотов закончил свою речь словами, которые стали главным лозунгом Великой Отечественной войны: «Наше дело правое. Враг будет разбит. Победа будет за нами».³²

В этот же день местоблюститель Русской Православной Церкви митрополит Сергей обратился с «Посланием пастырям и пасомым Христовой Православной Церкви»: «Фашиствующие разбойники напали на нашу Родину. Попирая всякие договоры и обещания, они внезапно обрушились на нас, и вот кровь мирных граждан уже орошает родную землю... Господь дарует нам победу!».³³

Несмотря на упорное сопротивление Красной Армии, фашистские войска продолжали продвигаться вперед. Казалось, Сфинкс засмеялся, и мир прекращает свое существование.³⁴ Летом 1942 года они вплотную подошли к столице Кубани – городу Краснодару.

Муж бабушкиной сестры (Евангелины Петровны) – Николай Иванович Мрякин – партийный работник, инженер по специальности, был назначен ответственным за взрыв предприятий пищевой промышленности в Краснодаре. С утра до вечера он мотался из одного конца города в другой, проверял надежность заложенной взрывчатки. Однажды утром он пришел к Агриппине Петровне и сказал: «Груня, не переживай, я пришлю за вами подводу. Собирай с детьми вещи. Будем эвакуироваться по мосту через Кубань в сторону станицы Саратовской». Подвода не пришла.

Утром следующего дня, 9 августа 1942 г., в 6 часов утра затрещал репродуктор (черная тарелка на стене). Диктор объявил, что враг остановлен в районе станицы Новотитаровская (примерно, в 25 км от города), а в это время мимо двора, по ул. Кирова уже грохотали немецкие танки.

Оккупация

Немцы впервые во Второй мировой войне применили на Кубани «душегубки» – спецмашины с металлическими фургонами, куда заталкивали битком людей. Машина выезжала за город, а угарный газ от двигателя автомобиля поступал внутрь фургона. Люди в жутких страданиях погибали. За городом тела сбрасывали в противотанковые рвы и засыпали землей.

Голод

Подростки приносили от немецких полевых кухонь картофельные очистки. Их мололи на мясорубке, лепили оладьи и пекли на касторовом масле, которое притащили пацаны в огромных стеклянных бутылках с разбомбленных аптечных складов. Вонь стояла несусветная, но ели.

Руслан (мой дядя) укатил из под носа немецкого часового со склада огромную 200-литровую железную бочку с маслом. Радость. Сбежались все жители двора, кто с чем – бидонами, кастрюлями, чайниками набрать масла. Открыли бочку, а там – машинное масло. Все равно пекли картофельные оладьи на нем.

После Сталинградской битвы и разгрома группировки войск генерал-фельдмаршала Паулюса под Сталинградом, немцы, боясь следующих войсковых «котлов» (окружений), начали спешное отступление с Кавказа.

Краснодар был освобожден от немецко-фашистских войск 12 февраля 1943 года, а уже в марте мой дядя Руслан Никитич был призван в армию и отбыл на фронт.

³² Грампластинка. Апрельский завод. Выступление по радио Зам. Председателя Совета Народных Комиссаров Союза СССР и Народного Комиссара Иностранных Дел тов Молотова 22-го июня 1941 г. К-369. НКМ СССР.

³³ Митрополит Сергей. Послание пастырям и пасомым Христовой Православной Церкви. 22 июня 1941 г. Седмица. RU Церковно-Научный центр. «Православная энциклопедия». 3 мая 2010 г.

³⁴ Надпись-пророчество на скале близ Абу-Симбела в Египте: «Сфинкс засмеется, и мир прекратит свое существование».

Вначале он служил в войсках НКВД, которые следовали за наступающими частями Красной Армии, ликвидируя остаточные соединения противника, и ведя борьбу с различными бандитскими группировками националистов на Украине и в Прибалтике.

Расскажу о первой боевой награде, полученной дядей в ходе одной из боевых операций.

В середине сентября 1943 года в штаб полка поступило донесение о том, что в глухом массиве Хинельских лесов в полосе Брянского фронта скрывается банда украинских националистов, пытающаяся нащупать проход в соседние Брянские леса, и соединиться с регулярными немецкими частями, отходящими под ударами Красной Армии на запад.

В промозглый вечер в район операции выехала передовая группа разведчиков. Несколько позже за ними на двух крытых грузовых машинах выехала спецгруппа войск НКВД.

Ночью остановка. Спешились, двумя группами стали просачиваться сквозь чащобу в сторону большой поляны, среди леса, где, по сведениям разведчиков, в большом двухэтажном деревянном доме бывшего лесничества расположился штаб одного из отрядов Украинской повстанческой армии.

Перед самым рассветом пошел дождь. Мелкий и частый, будто его просеяли сквозь сито. Он падал невесомо, с монотонным шуршанием, покрывая лица и одежду серебристо-тусклой холодной пылью. Завернувшись в маскхалаты, бойцы лежали среди валунов, сами похожие на камни своей неподвижностью. Поступил сигнал о том, что внешняя охрана дома ликвидирована, и бойцы стали окружать темную громаду здания. Командир приказал Руслану занять позицию в торце дома у самой стены.

Раздались выстрелы, взрывы гранат, крики, – спецгруппа начала штурм логова националистов. Минутой позже послышался скрип открываемого чердачного окна и оттуда вниз прыгнул человек. Руслан подставил винтовку с примкнутым штыком...

За ликвидацию одного из кровавых руководителей украинских националистов Руслан Никитич был награжден медалью «За отвагу».

В скором времени Руслан был переведен в полковую разведку и, видимо, успешно продолжал службу, так как до конца войны был награжден еще несколькими медалями. Закончил он войну в Будапеште.

Проект «Dranq nach Osten» рухнул. План «Unternehmen «Barbarossa» не состоялся. Бог войны отвернулся от немцев. 30 апреля 1945 года над рейхстагом было водружено Знамя Победы.

В этот же день Гитлер, сын мрака, опасаясь стать «экспонатом в московском зоопарке», в последний раз прослушал пластинку с любимым «Баденвайлеровским маршем», и отошел в мир теней, покончив жизнь самоубийством. А в ночь с 8 на 9 мая в Карлсхорсте, восточном предместье Берлина, начальник штаба Верховного главнокомандования генерал-фельдмаршал В. Кейтель подписал Акт о безоговорочной капитуляции. Германия лежала в руинах.

Но Гитлер, разрушил не только Германию, он положил конец и старой Европе с ее национализмами, ее конфликтами, наследственными династическими распрями и ее неискренними императивами, равно как и со всем ее блеском и величием. Более того, он дал всему миру жестокий урок, который тот уже не забудет никогда. Каждая нация сама несет ответственность за свои деяния, за свою историю. Мир это знает, – и никогда не простит немцам чудовищных преступлений. Свидетельство тому – Парад бессмертных полков, прошедших не только в нашей стране. (У меня есть друг, спелеолог из Санкт-Петербурга – И. В. Козырев, жена которого пятилетней девочкой попала в концлагерь Бухенвальд. Фашисты, перед тем, как отправлять людей в печи крематория, особенно женщин, – остригали наголо. Волосы отправляли на склад, а там маленьких детей, из числа заключенных, в том числе и будущую жену моего друга, заставляли работать – они сортировали волосы по цвету и длине. До сих пор эта уже немолодая женщина не может слышать немецкую речь, – она впадает в истерику. Такое забыть

нельзя! Кстати, семья Козыревых отказалась от пенсии, которая была назначена жертвам концлагерей правительством ФРГ).

Германия не только проиграла войну, но и потеряла национальную память – архивы, оказавшиеся в руках победителей. Более того, был сломлен тевтонский дух.

Впрочем, что мне Германия? Что мне судороги её нравственных, общественных и политических экстазов. Та страна, в которой люди становились «стадом, ... голосующим скотом, патронажным братом, идиотом-вагнерианцем: там даже самая личная совесть подчиняется нивелирующим чарам большинства, там правит сосед, там становишься соседом ...». ³⁵

Известный американский историк и журналист Уильям Ширер написал в итоговых размышлениях о днях, проведенных им в Третьем рейхе: «Это (был) выход наружу примитивного племенного инстинкта обитавших в бескрайних северных лесах древних германских язычников, для которых грубая сила была не только средством, но и самой целью жизни. Именно этот примитивный расовый инстинкт „крови и земли“ нацисты вновь пробудили в немецкой душе и сделали это более успешно, чем любой из их современных предшественников, доказав, что влияние на немецкую жизнь и культуру христианства и западной цивилизации было подобно тонкой внешней оболочке». ³⁶

В мае 1945 года (после поражения Германии), известный психотерапевт Карл Густав Юнг в интервью газете «Die Weltwoche» (Цюрих) дал следующую оценку Германии: «Германия всегда была страной психических катастроф – Реформация, крестьянские и религиозные войны. При национал-социализме давление демонов настолько возросло, что человеческие существа, подпав под их власть, превратились в сомнамбулических сверхчеловеков, первым среди которых был Гитлер, заразивший этим всех остальных. Все нацистские лидеры одержимы в буквальном смысле слова, и, несомненно, не случайно, что их министр пропаганды был отмечен меткой демонизированного человека – хромотой. Десять процентов немецкого населения сегодня безнадежные психопаты... Искупление, как я уже указывал, лежит в полном признании своей вины... В искреннем раскаянии обретают божественное милосердие. Это не только религиозная, но и психологическая истина». ³⁷

³⁵ Ницше Ф. Ницше contra Вагнер.

³⁶ Ширер У. Взлет и падение Третьего рейха. Т. 2.

³⁷ Юнг К. Г. Аналитическая психология. «Мартис». М., 1997. С. 194—195.

Из детства

*В мире, в тишине растем до срока,
Но однажды – в жизнь бросают нас:
Сотни тысяч волн объемлет око,
Новизну приносит каждый час,
Неспокойно чувство, тень живая
Дразнит, обольщает на лету, —
Ощущенья гаснут, уплывая
В пеструю мирскую суету.*

*Гете.*³⁸

Что ни говори, а детство – чудесная страна! Я там был. Совсем недавно. Ровно 72 года с небольшим.

В самом раннем детстве, по рассказу бабушки Агриппины Петровны, у меня была большая тряпичная кукла, с которой я любил возиться. Куклу назвали Катя и первое сказанное мною слово, в отличие от подавляющего числа младенцев, было не «мама», а «Катя».

Когда я уже повзрослел и был молодым человеком, бабушка рассказала мне эту историю и, смеясь, сослалась на Библию, в которой утверждалось, что «Вначале было Слово» (правда, в несколько ином смысле) – «Вначале бе Слово. Слово бе Бог»). Тогда же Агриппина Петровна высказала предположение о том, что с этим именем будет что-то связано в моей жизни, возможно, таким будет имя моей будущей супруги.

Прошло много лет. Я женился на Людмиле Александровне. Первую дочь мы назвали Натальей, а вот вторую – Екатериной (чтобы оправдалось бабушкино предсказание; нужно также подчеркнуть, что Бог помог выучить и воспитать Катю, – она успешный московский адвокат, кандидат наук, у нее хорошая дружная спортивная семья и у меня в этой семье есть внуки Александр и Игаль, со звучной фамилией – Берлинские).

Кстати, Катя недавно рассказала забавную историю. Приходит она в Москве в «Центр государственных услуг» за какой-то справкой. Подает в окошко свой паспорт. Сотрудница центра открывает документ и начинает смеяться. Происходит следующий диалог:

– Катя: «В чем дело?».

– Оператор: «Да, фамилия!».

– Катя: «Что смешного в моей фамилии?»

– Оператор: «Буквально две минуты назад, перед Вами, женщина заказала точно такую же справку. Фамилия у нее „Германская“, затем подходите Вы с фамилией Берлинская!».

Однако вернусь в раннее детство. Первые отчетливые воспоминания связаны с большим портретом Салтыкова-Щедрина, который висел на голой стене убогой квартиры, в которой ютилась моя семья. Этот страшный дядька с огромной черной бородой своим пронзительным взглядом преследовал меня повсюду. Спасение приходило только тогда, когда я залезал под кровать или накрывался с головой одеялом, лежа на диване.

Взрослые никак не могли понять, почему меня невозможно было хоть на минуту оставить одного в комнате – я с громким криком и ревом пулей вылетал вслед за родителями. Наконец, все прояснилось, тайну моих страхов разгадали, портрет убрали на чердак, а я, наконец, успокоился.

Еще одна до сих пор неразгаданная тайна – магическое число 11, сопровождающее мою семью и близких родственников.

³⁸ Перевод Е. Витковского.

Между моим дедом Никитой Викторовичем и его братом Сергеем была разница в возрасте – 11 лет. Между бабушкой, Агриппиной Петровной, и ее сестрой Евангелиной, – та же разница – 11 лет. Эта тенденция продолжилась: между моей мамой и ее братом Русланом разница – 11 лет; между мной и моей младшей сестрой, Крживецкой Региной Степановной, – 11 лет (она живет в Краснодаре на Гидрострое). Между моими дочерьми Наташей и Екатериной разница – 11 лет.

Но отвлечемся от магии цифр.

В 1948 году маму, Ларису Никитичну, посылают на работу в Киргизию (она по специальности – агроном). Остались только обрывочные воспоминания об этом периоде: город Ош, Кашгар-кишлак, река Ак-бура, гора святого Сулеймана, шумный восточный базар, глинобитные заборы – дувалы, огромные пауки – желтые фаланги (насекомые, принадлежащие к роду тарантулов, – высоко прыгающие и издающие шипящие угрожающие звуки), стеклянные баночки на подоконниках в каждом доме со скорпионами в сливочном масле (наивно считалось, что это противоядие от укуса), сбор хлопка за лепешки (один собранный мешочек – лепешка), очень вкусный плов, острая самса, сладкая, ядовито-красного цвета, буза (напиток).

Самостоятельно (заодно с друзьями, более старшими по возрасту) пошел в школу в пять лет (достал на чердаке старый парусиновый мамин портфель, положил в него карандаш, два листа бумаги и любимую книжку, – красочно оформленную «Сказку о царе Салтане» А. С. Пушкина).

Первая учительница – красивая узбечка, в красных сапожках, с сорока косичками на голове. В классе – четыре ряда парт. Каждый ряд – класс (от первого до четвертого). Вела уроки последовательно, переходя от ряда к ряду, объясняя учебный материал и давая задания.

Хорошо помню «трофейный» многосерийный американский кинофильм «Тарзан» (1936 года выпуска), – в главной роли знаменитый киноактер Джони Вайсмюллер, чемпион мира по плаванию (установил 67 мировых рекордов, пять раз он становился олимпийским чемпионом и однажды – бронзовым призером Олимпийских игр). В клубе Кашгар-кишлака, где демонстрировался фильм, яблоку негде было упасть, люди сидели даже в проходе на полу.

Не забыть мне и горячие хлопковые поля, полыхающие нефтяные установки-качалки, кем-то подожженные (видимо, людьми из числа депортированных граждан).

Мама не выдерживает всего этого кошмара, бесконечных проверок и допросов сотрудников НКВД, и мы в спешке возвращаемся к свободе – в Краснодар («в свободе сокрыта тайна мира»).

Маму за бегство из Средней Азии чуть не посадили. Но обошлось. Восемь месяцев не могла устроиться на работу.

Вот когда началось полуголодное существование. Варили постный борщ (свекольник). Тушили капусту. Чай. Хлеб. Немного сахара. Вот и весь рацион питания. Иногда в доме не было хлеба. Бабушка обычно заготавливала сухари и складывала в полотняные мешочки. С тех пор терпеть не могу тушеную капусту. Редко бабушка покупала в ларьке колбасного цеха на ул. Шаумяна обрезки из колбас разных сортов по дешевке. Это были праздничные дни.

Чтобы отвлечься от голода, семья моя все время пела и пританцовывала:

«Не слышно шуму городского,
За Невской башней тишина,
И на штыке у часового
Горит полночная луна...»

«Эх, барыня ты моя,
Сударыня ты моя...»

Наконец, маму приютил в качестве лаборанта В. С. Пустовойт в институт эфирно-масличных культур. Он был депутатом Верховного Совета РСФСР, лауреатом Сталинской премии, поэтому не побоялся взять Ларису Никитичну на работу. Затем ее перевели начальником сорто-семенной станции. И наш быт стал потихоньку налаживаться. Появились фрукты, сливочное масло, изредка – мясо. Стали в изобилии готовить различные каши. Особенно мне нравилась каша из печеной тыквы с молоком и сахаром.

Самым интересным развлечением уличной детворы в Краснодаре был просмотр кинофильмов во дворе Госпиталя инвалидов Отечественной войны (кино «крутили» регулярно два раза в неделю) – мы залазили на высокий забор, или устраивались на ветвях раскидистых деревьев и наслаждались бесплатным зрелищем. Было три любимых фильма, которые чаще всего показывали, – «Чапаев», «Александр Невский» и «Леди Гамильтон» а самые популярные киноартисты того времени, естественно, – исполнители главных ролей – Борис Бабочкин, Николай Черкасов и Вивьен Ли.

После просмотра этих фильмов, особенно картины «Александр Невский», мы разыгрывали нешуточные уличные бои, разбившись на два непримиримых лагеря: то одни изображали тевтонских рыцарей, а другие русское воинство во главе со светлейшим князем Александром Невским, то, менялись ролями, и вновь кипело «Ледовое побоище». Чаще всего роль спасителя земли Русской доставалась Веньке, кудлатому веснушчатому мальчишке с улицы Фрунзе. Он был у нас признанный вожак.

Однажды, когда очередная битва была в самом разгаре, из-за сарая показался предводитель русской рати, и важно прошествовал на возвышение среди двора – цветочную клумбу.

«Тевтонские рыцари» вмиг опустили свои деревянные мечи и копья, а их знаменитая «свинья» просто распалась. Все с нескрываемым восхищением, раскрыв рты, шмыгая носами и подтягивая за резинки сатиновые трусы, глазели на Веньку. Перед нами был настоящий Александр Невский, – ибо на его голове возвышался чудесный шлем (как потом выяснилось, – это был тонкостенный чугунок, в котором тетя Дуся запаривала корм курам). Враг был полностью деморализован и сложил оружие. Но мой друг Юрка, конечно, никак не мог стерпеть столь блистательного триумфа своего извечного соперника. Стремительно бросившись вперед, он прорвал нестройные ряды русских богатырей, и со всего маха трахнул их полководца мечом по голове. Деревянный меч хрустнул и преломился, а чугунок, криво сидевший на Венькиной голове, скользнул вниз, и полностью скрыл голову великого князя. Венька зашатался, что-то промышчал из-под горшка, и уселся в раскоряку посреди «анютиных глазок». «Тевтонцы» приветствовали доблестный поступок своего товарища дружными радостными криками.

Последствия сей военной конфузии оказались неожиданными: сколько ни старалась Венькина дружина снять шлем с головы Светлейшего, – ничего не получалось. Венька мычал из-под горшка, нелепо размахивал руками, а когда богатыри стали дружно тянуть горшок в одну сторону, а князя – в другую, затрубил как слон.

Намаявшись со шлемом, решили отвести Веньку в соседний двор к дяде Мише-танкисту. Как-никак человек воевал и знал толк в военной амуниции. Кроме того у него были мастеровые руки и он делал для ребят то свистульки, то крутящиеся (с помощью резинки) ветряные мельницы. Но и дядя Миша, повертев горшок, а заодно и Веньку, помочь не смог. Тогда, набравшись мужества, толпой повели Предводителя к матери.

Ольга Петровна, увидев сына в столь необычном виде, сильно расстроилась. Сначала она громко и продолжительно кричала на весь белый свет, потом вдруг ойкнула, приняла пасмурный вид и присела на край стула. Руки у нее страшно затряслись, а из глаз хлынули слезы.

Немедленно сбежались соседи. Начался всеобщий гвалт, который неизвестно когда и чем закончился, если бы вновь не затрубил Венькин горшок. Все стихли. Юрка приложил ухо к горшку и с важным видом перетолмачил: «Он просится в уборную».

Поддерживаемый с двух сторон приятелями, Его Сиятельство, спотыкаясь и волоча ноги, побрел в будку в углу двора.

В его отсутствие кому-то из соседей в голову пришла счастливая мысль – «мальца» надо отвезти в больницу. Там помогут». На том и порешили.

Веньке натянули штаны, а сверху накрыли простыней, – ну не везти же это такое страшилище через весь город.

В трамвае Венька с матерью уселись на передних сидениях, а мы, пацаны, повисли гроздьями на подножках (в ту пору двери в трамваях автоматически не закрывались).

К вновь вошедшим пассажирам двинулась грузная кондукторша. Венькина мама протянула ей мелочь на один билет.

– А кто будет платить за женщину Востока? – грозно спросила кондукторша, и для убедительности дернула ремнем своей сумки.

– Это не женщина Востока, – прошептала Ольга Петровна, – это Александр Невский!

– Не морочьте мне голову, – вскинулась кондукторша. – Какой еще такой Александр Невский?

– Великий князь земли Русской! – громко и с достоинством возвестила Венькина мать, и сдернула простыню с головы сына.

Возглас удивления пронесся по вагону. Даже вагоновожатый затормозил и выглянул из своей кабинки.

Кондукторша разом перекрыла грудь проход и осадила пассажиров: – Спокойно, граждане, что ли не видели женщин Востока? – И, перехватив укоризненный взгляд Ольги Петровны, поправилась: – То есть, русского князя? Весь вагон оцепенел и скукожился. В великом почтении и при всеобщем молчании, доехал Венька до городской больницы.

В приемном покое переполох был полный. Сбежался поглазеть на князя, пожалуй, весь медперсонал. А сухонький старичок-хирург, в руки которого попал Венька, после ряда безуспешных попыток снять горшок, громогласно объявил: – Медицина в данном случае бессильна!

Что здесь началось!

Ольга Петровна заголосила, дамы в белых халатах запричитали, Венька вновь страшно затрубил.

Только старый доктор не потерял присутствие духа. Он резко взметнул руку вверх – все смолкли, кроме Веньки, который продолжал что-то бубнить.

Доктор слегка шлепнул по чугунку, призвав князя к порядку.

– Позовите Трофимыча, – распорядился хирург.

Через пару минут из котельной привели слесаря. Толпа перед ним в почтении расступилась.

Есть работенка, Трофимыч. Потянет на чекушку, – произнес доктор, озорно блеснув стеклами пенсне.

Трофимыч с важным видом обошел вокруг Веньки, поскреб ногтем горшок, поцокал языком, затем горестно вздохнул.

– Жалко чугунок! Почти новый.

Затем пошептало о чем-то важном с доктором, и, досадливо тряхнув головой, пошел за ножовкой.

Укрывшись в кабинете хирурга, Трофимыч блестяще провел уникальную операцию, во время которой ему ассистировали Заслуженный врач страны и две дипломированные медицинские сестры.

Так спасен был благоверный Великий князь Александр Ярославович!

Кроме бесконечных игр в «Ледовое побоище» и «Казачков-разбойников», а также купания в теплых водах краснодарского Затона, у моих сверстников, было еще одно, пожалуй, самое важное занятие – встреча колонны пленных немцев.

На Кубанонабережной, в районе промзоны, располагались многочисленные бараки, окруженные высоким деревянным забором с колючей проволокой и вышками часовых по углам огражденной территории. Там содержали пленных немцев. Ранним утром, пока город еще спал, военнопленных выводили на работы (они восстанавливали разрушенные войной здания в городе, а также строили главную автомагистраль Северного Кавказа: Ростов-Баку).

Бесконечная безликая серая людская масса медленно двигалась посередине улицы Кирова в сторону Сенного рынка в сопровождении часовых с винтовками в руках. Стук тяжелых башмаков по камням булыжной мостовой, мерное позвякивание кружек о металлические пряжки поясных ремней, потухшие взгляды бывших храбрых вояк – все это производило жуткое впечатление. Как мы все их ненавидели!

Вечером в сумерках пленных вели назад в лагерные бараки. В это время, набрав камни и палки, мы, пацаны, сидели в засаде и по команде разом из-за забора атаковали фашистов. Мы мстили за всех погибших на фронтах этой всенародной войны, за тетю Дусю, у которой в боях сгинули два ее сына, за дядю Васю – танкиста, соседа с противоположной стороны улицы, сильного и красивого мужчину, чьи ноги под корень были отрезаны войной. Мы были беспощадны и жестоки.

Но однажды вечером, когда колонна пленных почти уже прошла, мы вдруг увидели, как из нашего двора выскользнула тетя Дуся, и, выпростав руки из-под фартука, протянула худому рыжеватому Гансу булку хлеба. Часовой, замыкавший колонну, вначале попытался было ей помешать, но потом повернул голову в сторону и мы увидели в свете уличного фонаря как блеснули слезы у нашего красноармейца. А тетя Дуся смотрела вслед серой колонне и осеняла ее крестным знаменем.

Больше мы никогда не воевали с пленными солдатами.

* * *

В крупных городах послевоенного времени было очень много шпаны, уголовников разного калибра, сбивавшихся иногда в довольно крупные вооруженные банды. Особенно это касается южных городов. Не зря, Одессу называли «мамой», а Ростов-на-Дону – «папой» криминального мира. Не отставал от них и Краснодар.

Борьба с уголовниками велась беспощадная. Приведу только один пример.

На противоположной от моего дома стороне улицы Кирова, во дворе под номером 10, в полуподвальном помещении жила мать с сыном. Сама женщина была высокого роста и крупных габаритов, а ее сынок – тщедушного вида парень, весь в наколках и с извечной гитарой в руках.

Женщину за представительный вид народ прозвал «Царь-бабой», а ее сынка все звали просто – «Хмырь». Хмырь был профессиональным воров. Время от времени, за ним приезжал «черный воронок» и милиционеры забирали его в кутузку, как минимум на полгода. Затем он вновь появлялся, выходил на улицу с гитарой и, подпирая спиной стенку дома, весь день громко пел хриплым голосом блатные песни, неся «культурку» в массы:

«Граждане, послушайте меня,
Гоп со смыком – это буду я.
Ремеслом я выбрал кражу,
Из тюрьмы я не вылажу

И тюрьма скучает без меня...».

Затем вновь за ним приезжали и забирали, а потом он вновь подпирал стенку и орал песни вполне определенного жанра. Такая вот круговерть.

Участковым милиционером у нас был высокий, крепко сбитый, бравый, усатый старшина, лет 45, очень симпатичный человек. Был он внимательным, добрым и очень выдержанным. Вся улица, и даже уголовники, его уважали – «за справедливость».

Однажды, старшина появился во дворе соседского дома и зашел в квартиру «Царь-Бабы». В ней оказался только блатной менестрель, хозяйка ушла по делам. Участковый достал пистолет и двумя выстрелами в упор застрелил уголовника, после чего из квартиры врача, где был телефон, вызвал наряд милиции, и сдался властям. С тех пор мы его не видели.

Нужно сказать, что урки относились ко мне, пацану, хорошо, но главное, они иногда спасали меня от мучительного чувства голода.

Был у меня старший товарищ (разница в возрасте – лет восемь) с Кубанонабережной, погоняло (кличка) у него была «Лопата». Он был прирожденным актером, театральным институтом, пожалуй, мог бы ему только навредить. Всегда щеголевато одетый в серый шевиотовый костюм, на голове серая кепочка с узким козырьком и плетеной вставкой, брюки заправлены в яловые сапоги гармошкой. Когда он улыбался, его передний верхний зуб отсвечивал золотой коронкой (фиксой). Он часто приносил мне то булочки с изюмом, то жаренную куриную ножку, аккуратно завернутую в пергаментную бумагу.

Компания друзей Лопаты была под стать ему: та же вихлявая, небрежная походка, смачные виртуозные плевки сквозь зубы точно в урну, гнусавые голоса, когда они затягивали блатные песни. Небрежные рыцари малокозырок. У большинства из них на теле было множество «ценных» художественных произведений в виде татуировок. Вся их жизнь могла быть полностью описана в статьях УК РСФСР.

О, мир сумерек, трамвайных подножек, буферов, игральные косточки! Стук консервных банок, которые гоняли вместо мяча, сливался с ритмами «Рио-риты» и бешено популярной лещенковской «Муркой», записанной на рентгеновской пленке.

К чести Лопаты, он никогда не втягивал меня ни в какие сомнительные делишки, всегда прогонял, когда урки играли на деньги в карты или в «жостку» (игра, в которой одной ногой подбивают вверх круглый кусок кожи с шерстью и свинцовой лепешкой-основанием). Обычно он не пил, но, если случалось, – напивался до изумления.

Однажды мы с Лопатой шли по ночным улицам Краснодара. Освещение было неважное, но мы смогли заметить на одном из перекрестков «кодлу», примерно в десять человек, которая медленно двинулась за нами.

– Не беги, будь спокоен, – сказал мой друг. Раздался свист, послышался топот ног. Нас догоняли.

– К стене, – скомандовал Лопата, – когда мы вышли на освещенное фонарем место. Мы остановились у стены дома, прижавшись плечами, друг к другу.

Окружившая нас полукругом компания состояла из восьми взрослых мужиков, на лицах которых блуждала легкая усмешка. Этаким легким коктейль чувств, сочетавший детское любопытство с бандитской непосредственностью.

Вперед вынырнул главарь, матерно выругался, и растянул свой рот в улыбке до ушей. Сверкнули золотые коронки на передних и нижних зубах – не рот, а целый монетный двор. Он презрительно сплюнул себе под ноги и прогнусавил: «Ну, что, падла, допрыгался!».

Лопата молниеносно выхватил из-за пояса финку и ударил противника в живот. Тот выпучил глаза, во рту у него громко забулькало, он захрипел, рухнул на колени, а затем повалился боком на асфальт, держась обеими руками за живот. Мужики ахнули и замерли. В наступившей тишине раздался спокойный голос моего друга: «Недолго музыка играла, долго».

фраер танцевал!». Затем он неожиданно выбросил руку с ножом вперед и повел ею из стороны в сторону: «Кто следующий?». Блатные отшатнулись, а потом дружно бросились прочь.

Лопата достал платок, аккуратно вытер лезвие, и коротко скомандовал: «Пошли!». Мы степенно перешли на другую сторону улицы, завернули за угол и растворились в темноте.

Бабушкины подруги

Таисия Ермолова, воспитанница детского дома (семь классов образования). Во время Великой Отечественной войны служила в железнодорожных войсках (старший сержант). Сопровождала военные эшелоны с боевой техникой и боеприпасами на фронт; занималась эвакуацией раненых с фронта. Награждена высшей наградой страны – орденом Ленина и четырьмя медалями.

После войны работала освобожденным секретарем партийной организации Адыгейского консервного комбината, что в пригороде Краснодара, на левом берегу Кубани, в поселке Яблоновском. Личная ее жизнь не сложилась. Была одинока. Жила в комнатке общежития комбината. Получала повышенную пенсию республиканского значения.

Месяца через три после выхода на пенсию она пришла с заявлением к директору предприятия. Просила выделить ей бесплатные талоны на питание в столовой комбината, сохранить за ней жилплощадь в общежитии и обеспечить рабочей одеждой и обувью, так как она уже перевела всю свою большую пенсию в Советский комитет защиты мира.

Две другие бабушкины подруги – учительницы. Первая – тетя Нюся (Анна), которая открыла для меня мир русской классической литературы и европейских исторических хроник. У нее дома я перечитал С. Аксакова, И. Тургенева, труды Тита Ливия, Тацита, «Историю» византийского хрониста Льва Диакона, Шарля Монтескье («Рассуждения о причинах величия римского народа и его упадка»), Номоканон Иоанна Схоластика («Кормчая книга»), «Киево-Печерский Патерик» (повествование о первых киевских монахах), труды Н. М. Карамзина («Письма русского путешественника», «История государства Российского»), исторические исследования В. О. Ключевского, Г. П. Данилевского, Э. Гиббона («Закат и падение Римской империи»). Пересмотрел многотомную «Историю человечества» Гумбольдта и массивные тома Брэма о жизни животных.

Эти книги давались мне с трудом (все-таки сложные тексты для моего возраста), кроме того, большинство из них были дореволюционных изданий с непривычной буквой «Ъ» и старыми оборотами речи. Например, разглядывая историю династии Романовых с портретами венценосных особ, я долго не мог понять подпись: «Почил в Бозе» («Почил в Боге – умер»). Тетя Нюся рассказывала, что именно «ять» создавал большое количество проблем дореволюционным гимназистам, которым приходилось заучивать длинные списки слов с этой буквой (примерно так же, как нынешние школьники учат «словарные слова»). Известно мнемоническое³⁹ стихотворение «Бѣлый бѣдный блѣдный бѣсь»:

Бѣлый, блѣдный, бѣдный бѣсь
Убѣжалъ голодный въ лѣсь.
Лѣшимъ по лѣсу онъ бѣгалъ,
Рѣдкой съ хрѣномъ пообѣдалъ
И за горькій тотъ обѣдъ
Даль обѣтъ надѣлать бѣдъ.
Вѣдай, братъ, что клѣтъ и клѣтка,
Рѣшето, рѣшетка, сѣтка,
Вѣжа и желѣзо съ ять —
Такъ и надобно писать.
Наши вѣки и рѣсницы
Защищаютъ глазъ зѣницы,

³⁹ Мнемоника или мнемотехника – это искусство запоминания, совокупность приемов, облегчающих запоминание.

Вѣки жмурить цѣлый вѣкъ
Ночью каждый человекъ...

Другая подруга бабушки, учительница географии, уже пенсионерка, подрабатывала ночным сторожем в продуктовом магазине. Зимой и летом сидела в деревянной будке с окошком и рассказывала вечерами детворе разные занимательные истории. С ней мы быстро поладили, и она стала приносить мне старые книги, из серии «Народная библиотека» в мягком переплете. Так я познакомился с жанрами приключений и фантастики. Там были произведения Вальтера Скотта, Луи Буссенара, Эдгара По, Фенимора Купера, Жюль Верна, Роберта Стивенсона, Редьярда Киплинга, Уилки Коллинза, Райдера Хаггардта, Джеймса Кервуда, Джека Лондона, Джозефа Конрада и многих других.

Эти чудесные женщины оставили в моей памяти неизгладимый след. Низкий им поклон.

Князь Джунио Валерио Боргезе

В школе у меня были проблемы с изучением английского языка. Летом 1957 года мама забирает меня с собой в поселок Витаминкомбината, где она работала агрономом. Я нашла тебе репетитора, – сказала она мне.

Вскоре по приезду, идем в гости в дом настоятеля местной церкви. Я в недоумении. Все мои близкие – люди неверующие. Загадка вскоре разрешилась. Семья священника – интеллигентные люди, любят музыку, классическую литературу, хорошо знают историю Отечества.

Обедаем впятером: бабушка, матушка, их сын Андрей, мужчина средних лет, я и моя мама. После обеда священник берет в руки мандолину, матушка садится за фортепиано, аккомпанировать, и мы слушаем чарующие звуки музыки.

Под вечер, когда уже собрались уходить, договариваемся с Андреем о занятиях (дни, часы).

В назначенное время прихожу на занятия. Андрей приглашает меня в свою комнату, и я, переступив порог, остаиваюсь пораженный – на стенах комнаты разместились предметы морского быта: большой компас, секстант, подзорная труба, корабельный хронометр, рулевое колесо, морской кортик. А на комодe стоит в рамочке фотография Андрея в форме морского офицера. Оказывается он – капитан-лейтенант и служил на линкоре «Новороссийск».

В октябре 1955 года линкор погиб в результате диверсионного акта. Андрей в той пертурбации был сильно контужен, лечился в госпитале, а потом был комиссован и стал пенсионером. В то время об этой трагедии практически ничего не писали, не говорили по радио.

Забегаю несколько вперед, скажу, что судьба распорядилась так, что в 1968 году я в г. Орджоникидзе (ныне Владикавказ), в Северной Осетии, познакомился с еще одним бывшим членом экипажа линкора «Новороссийск» – Комиссарчиком Михаилом Давыдовичем, служившим на этом корабле старшиной первой статьи.

Он рассказал, что 28 октября 1955 года линкор пришвартовался в Севастопольской бухте почти напротив Графской пристани, отдав левый якорь. Команда из шести матросов под его началом была отправлена на берег с каким-то поручением. Завершив дела, молодые ребята залезли в виноградник, но были задержаны военным патрулем и отправлены на флотскую гауптвахту. Это случилось за несколько минут до полуночи. А примерно в 1 час 30 минут, раздался два мощных взрыва в бухте, и линкор «Новороссийск» стал тонуть. Погибло свыше 800 человек. Утром на пристани горожане подбирали бескозырки погибших моряков.

М. Д. Комиссарчику и его друзьям, сидевшим на «губе», несказанно повезло. Они остались живы.

Итак, в ночь на 29 октября 1955 года на линкоре «Новороссийск», стоявшем на якоре в Севастопольской гавани, произошел взрыв неимоверной силы. Мощность его была такова, что корабль пробило насквозь от днища до верхней палубы – восемь палуб, в том числе три бронированных. В образовавшийся 27-метровый пролом хлынула вода. Несмотря на предпринятые меры, спасти корабль не удалось.

В 4 часа 14 минут линкор лег на воду левым боком и через несколько мгновений резко перевернулся вверх килем. Более полутора тысяч человек в какие-то секунды оказались сброшенными в воду. И в этот момент, как вспоминают очевидцы, в ночной тиши пронесся «глухой, страшный тысячеголосый крик ужаса»: сотни моряков – те, кого не накрыл бронированный корпус перевернувшегося линкора – погибали, затягиваемые водоворотом в глубины холодного моря. А изнутри судна раздавался отчаянный стук заживо погребенных... И именно в эту минуту в Москве, за тысячу с лишним километров от гибнущего судна произошло невероятное.

Приведу свидетельство капитана второго ранга О. Бар-Бирюкова, служившего на том линкоре: «Еще в 1953 году, когда „Новороссийск“ стал на ремонт я, уезжая в отпуск, забрал на память демонтированное из каюты небольшое настенное зеркало. Хотя и не новое – в скромной алюминиевой рамке, но изображение дает четкое и чистое, все же ведь итальянского, а может быть, даже и венецианского изготовления. Решил – возьму, пусть будет подарком моим родным!.. В Москве я его самолично прикрепил к стенке в прихожей».

Так сложилось в жизни офицера, что в трагическую ночь гибели линкора он только подъезжал к Севастополю на поезде и узнал о случившемся лишь утром. «Впоследствии мама и сестра рассказали что в ночь с 28 на 29 октября 1955 года они были разбужены страшным грохотом в прихожей. Когда они зажгли свет, то увидели – на полу лежит рамка от висевшего на стене «новороссийского» зеркала, а оно само разбито вдребезги. Они глянули на часы – было **ровно 4 часа 14 минут** (они записали это время). Именно в этот момент линкор «Новороссийск» перевернулся...». Объяснения случившемуся нет.

Несколько слов о «биографии» линкора. Корабль построен в Италии в 1914 году и под именем «Джулио Цезаре» (Юлий Цезарь) вошел в состав военно-морских сил Италии. Впоследствии неоднократно модернизировался, принимал участие в боевых действиях во время Второй мировой войны. Зимой 1945 года после налета английской авиации получил пробоины в носовой части, «хлебнул» воды и затонул. Но вскоре был поднят, отремонтирован и снова вступил в строй. После окончания войны, при разделе итальянского военного флота между странами-победительницами, линкор достался СССР.

Еще при передаче линкора, в итальянской прессе раздавались призывы к патриотам страны не допустить передачи корабля, и взорвать его. Но тогда обошлось.

В нашей стране он вновь был модернизирован, и стал флагманом Черноморского флота под именем «Новороссийск».

29 октября 1955 г. корабль затонул в Севастопольской бухте.

Правительственная комиссия, расследовавшая катастрофу, пришла к выводу, что основной причиной гибели судна стала старая донная немецкая мина.

Однако многие военные специалисты были не согласны с выводами комиссии. Прежде всего, свидетели (вахтенные с других судов, стоявших на рейде) говорили не об одном, а о двух мощных взрывах. Во-вторых, повреждения на «Новороссийске» полностью соответствовали разрушениям на английских линкорах «Элизабет Куин» и «Велиэнт», подорванных итальянскими боевыми пловцами в бухте Александрии еще в декабре 1941 года. Оба корабля затонули, набрав воды.

Стоит также отметить, что через месяц после гибели «Новороссийска» в итальянской прессе промелькнуло сообщение о награждении Валерио Боргезе очередным боевым орденом.

Мой друг, Виктор Булавинцев, морской офицер, в 1964 году участвовал в передаче Алжиру торпедных катеров. В порту Беджаия в это же время находилась группа итальянских морских офицеров, которые обучали алжирских боевых пловцов. В портовом ресторане один из итальянцев, приняв на грудь изрядную долю алкоголя, хвастался, показывая на орденскую ленточку, что получил орден за подрыв линкора в Севастопольской бухте в 1955 году.

Все указывает на то, что катастрофа с нашим линкором напрямую связана с деятельностью боевых пловцов князя Боргезе.

Кто же он такой, князь Валерио Боргезе?

Во время Второй мировой войны он был для итальянцев таким же национальным героем, как Отто Скорцени для немцев. Потомок старинного аристократического рода, в чьих рядах был Папа Римский Павел V, а Камилл Боргезе стал супругом Полины Бонапарт. Отец же Валерио – Ливио Боргезе – занимал пост посла Италии в Португалии. В 1928 году В. Боргезе заканчивает Королевскую морскую академию в Ливорно. Одновременно становится чемпионом

ном мира по глубоководным погружениям. Он выбирает судьбу подводника и его назначают преподавателем в училище подводного плавания в Поле, на Адриатическом море.

В 1931 году В. Боргезе женится на графине Дарье Алсуфьевой, дочери русского эмигранта. Карьерный рост Валерия Боргезе начался при дуче Муссолини, который благоволил подводникам. Во время Второй мировой войны он командует подводными лодками, в том числе такими, которые были способны доставлять подводных боевых пловцов и людей-торпед к объектам диверсии (к бухтам Гибралтара, Александрии, Туниса, Мальты, крымской Балаклавы). В 1942 году он занимает должность начальника подводного сектора 10-й флотилии MAS (Децима МАС), а с мая 1943 года становится командиром флотилии (аббревиатура MAS произошла от латинского девиза: «Memento audere semper» – «Помни, ты всегда должен быть дерзок»). К середине 1943 года В. Боргезе создал мощную военную структуру, в которую входили подводные лодки, мини подлодки, отделения специальных надводных и подводных штурмовых средств и корпус боевых подводных пловцов – элиты подводного флота Италии.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.